

иранских языках, равно как и в древних германских языках, широкое распространение и систематическое использование и выступает в словообразовательной системе названных языков как живое и продуктивное средство. Расширение гласа производных абстрактных существительных от корней качественных прилагательных посредством форманта *-i-* мы рассматриваем как общее ареальнолингвистическое новообразование, как структурно-этимологическую инновацию, появившуюся в результате этногенетических взаимодействий и взаимовлияний.

Принимая во внимание высказывания советских и зарубежных ученых (как, например, В. И. Абаев, А. А. Зализняк, Вл. Георгиев и др.) о роли морфологических элементов для установления характера и степени родственных связей между отдельными лингвистическими комплексами индоевропейской языковой общности, мы вправе сделать вывод о том, что наличие словообразовательных суффиксов *-i-* и *-i-* в системе морфологии некоторых иранских и некоторых общевропейских языков может в какой-то мере свидетельствовать об ареальных контактах и о более или менее близкородственных связях между ними в послепераязычный период.

Примечания

- ¹ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, 145—146.
- ² Георгиев Вл. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, 230.
- ³ Абаев В. И. О происхождении фонемы *γ* (*h*) в славянском. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964, 115—121.
- ⁴ Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских отношений древнейшего периода. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. М., 1962, 6, 28—45.
- ⁵ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938, 278—280.
- ⁶ Kluge Fr. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. Halle (Saale), 1926, 10—11, 28—29; Willmanns W. Deutsche Grammatik II, II. Strassburg, 1899, 260, 262, 270—271; Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen II, I. Strassburg, 1889, 186—188; Horn P. Neupersische Schriftsprache. — In.: Grundriss der iranischen Philologie I, II. Strassburg, 1898—1901, 55, 183.
- ⁷ Миллер В. В. Тальшский язык. М., 1953, 97.
- ⁸ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы, 40, 80—81.
- ⁹ Там же.

А. Жаршабетов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТИМОЛОГИИ И ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В РУССКИХ НАЗВАНИЯХ РАСТЕНИЙ

Изучение лексики по отдельным тематическим группам представляет собой один из возможных и оправдавших себя путей этимологического исследования тюркских заимствований в русском

языке. Это связано с особенностями каждой лексической группы, которые соответственно требуют применения также разных методических приемов. Так, тюркские по происхождению названия растений в русском языке характеризуются рядом специфических особенностей, которые необходимо учитывать при их этимологизации.

1. При изучении тюркизмов-названий растений слову собственно тюркского происхождения и названия, перешедшие в русский язык из восточных языков через тюркские, нужно отграничивать от собственно русских образований на базе тюркизмов, не являющихся названиями растений.

Слова первой группы, как правило, восходят к соответствующим названиям растений в языках-источниках. Для слов же второй группы, образовавшихся на русской почве по русским словообразовательным моделям, естественно, мы не находим тюркских соответствий именно как названий растений. Так, названия типа *бузарка*, *ливинка*, *татарник*, *татарка*, *татарин*, а также *арсланец*, *бирючник*, *баймак*, *епанча* (*епанечник*), *клубук* (*клубучок*), *султан* (*султанчики*), *бирюза*, *бисерник* и др. лишь показывают, что в процессе номинации растений в русском языке наряду с исконными элементами участвуют также тюркские заимствования, но подобных им соответствий в тюркских языках не имеется.

2. Имеет принципиальную важность различение названий культурных и дикорастущих растений, которые отличаются друг от друга как способами и путями заимствования, так и своими судьбами в системе заимствующего языка. Если названия диких растений заимствуются обычно благодаря тесным территориальным, бытовым контактам и путь проникновения их в язык лежит через говоры и диалекты, то названия культурных растений распространяются весьма сложными и разнообразными путями. В этом случае часто заимствование названия сопутствует заимствованию соответствующей культуры.

3. Названия растений, которые представляли большую ценность своим применением в качестве лекарств, пряностей, красителей, также получали широкое распространение, часто передаваясь из одного языка в другой вместе с соответствующей реальней, независимо от введения в культуру самих растений. Факт наличия таких названий во многих языках разных систем при отсутствии удовлетворительной этимологии на почве того или иного языка заставляет исследователей каждого языка обращаться за разъяснениями к другим языкам, в которых имеются соответствующие названия.

Так большие трудности в отношении определения генетического источника вызывает название степного ядовитого растения *Strychnos pux vomica* и лекарства из него *кучеляба*, имеющее очень много диалектных вариантов, часто претерпевших причудливые изменения: *кучеля* (сиб. — Даль ² II, 229), *кучелеба*, *куцелёба* (донск.) ¹, *кичилибуха* (вят., перм. — Филан 13, 247), *чичилибуха* (вят. — Даль ² II, 229); *чечелибуха*, *чилибуха*; *чилилибуха*, *целибуха*, *тельчибух* (енс.) ² и др. Ср. также параллели и серб. *kučiba*, *želibuha*, чеш. *kulčiba* то же, польск. *kulczyba*, диал. *kulczyber*, *kielczyber*, *kilczybor*.

Фасмер считает необоснованным сравнение *кучеляба* с польск. *kuczyć* 'futiere'³, а также с *кикимора* и с нем. *Lab* 'закваска, сычуг' (Brückner 280)⁴, считая слово неясным (Фасмер II, 437—8). Сам Фасмер неправильно выводит форму *целибуха* от первоначального *целибука* от *целить* и *бука* 'странлище' (Там же IV, 296). Маценауэр считал слово заимствованным⁵. Между тем А. И. Попов в книге «Из истории лексики языков Восточной Европы» (Л., 1957, 29—30) указал на старое татарское название данного растения *кучилабука*, *кылычабуга*, зафиксированное еще в «Трактате о двух Сарматиях» польского ученого и путешественника Матвея Меховского в начале XVI в.: «Там же (близ Тапаса и Волги) растет ремень. . . , а также *кучилабука* (*kuczylabuka*) или по иному произношению *кылычабуга* (*kylczabuga*). . . »⁶ Слово распространено во многих тюркских языках: ср. узб. *кучала*⁷ 'кучеляба', кпрг. *кучала* то же⁸, каракалп. *кучала*⁹ то же, уйгур. *кучила* то же¹⁰. Тюркские варианты заимствованы из перс. *kučla*, *kučila* (ср. также хиндустани *kučula*, бенгали *kučila*, а также кит. *hwoši-la*)¹¹. О. А. Мизин приводит современную китайскую форму *kushi*, которая объясняется из уйгур. *кучила*¹². Кроме того, по мнению А. И. Попова, со всеми этими данными каким-то образом связаны также и соответствующие термины санскрита, тибетские и монгольские¹³. Этот «странствующий» медицинско-знахарский и торговый термин попал в русский язык из татарского (кыпчакского) в период татаро-монгольского завоевания, когда из Золотой Орды доставлялись яды как через торговцев, так и контрабандным путем, на что указывают древнерусские *кычилюбогъ* и *кычилибуга* (1489): «взяли у него (у торгового человека Игната Верблюда). . . тридцать гривенокъ кычилибуги» (Сл. РЯ XI—XVII вв. 7, 143). Формы типа *кычилибуга* в процессе адаптации подверглись упрощению (*кычилибуга* > *чилибуга*) и в результате контаминации с *целить*, видимо, появился вариант *целибуха*, в котором можно видеть также морфологическое освоение по типу исконно русских слов (*уга* > *уха*). Ассимиляция (*кычилибуга* > *чичилибуга*) и другие сложные процессы привели к появлению многочисленных вариантов в русских говорах.

4. Как и явление языкового взаимодействия в целом, заимствование названий растений обусловлено многими внутрилингвистическими и экстралингвистическими факторами.

К экстралингвистическим факторам в данном случае относятся: степень развития земледелия, географические и климатические условия и связанное с этим преимущественное возделывание тех или иных культур, характер торговых и иных связей с другими народами, а также этнографические и психологические особенности народа. Все эти факторы в совокупности своеобразно отражаются на развитии ботанической лексики. Так, например, у славян издревле было развито земледелие (на большей части территории восточных славян оно было уже пашенным), особенно большое значение имели зерновые культуры¹⁴. И соответственно также получил развитие и широкую дифференциацию состав терминов, относящихся к данной отрасли.

Тюркские заимствования представлены совершенно неодинаково в названиях разных групп растений (деревьев и кустарников, садовых культур, травянистых растений). Так, если в русских названиях бахчевых культур и овощей мы встречаем тюркизмы *арбуз*, *баклажан*, *кабак* (обычно мн. ч. *кабачки*) и др., то в названиях фруктовых деревьев и их плодов имеются слова *айва*, *альча*, *инжир*, *кызыл*, *мушмула*, *тут* (*тутovníк*), *хурма*, *фисташка*, *фундук* и др.¹⁵ Это объясняется тем, что многие виды теплолюбивых растений в силу климатических условий вообще не возделывались на исконно русской территории. Такие культуры (главным образом их плоды) доставлялись из южных стран торговыми караванами или посольствами, и очень часто вместе с названиями.

Следует отметить, что в русских названиях ягод почти или вовсе нет тюркских заимствований, в то же время много финно-угорских заимствований. Это объясняется географическими причинами.

Если говорить об отсутствии тюркизмов в русских названиях грибов, то к указанному выше географическому фактору присоединяется связанный с ним фактор этнографический — неупотребительность грибов в пищу у тюркских народов. По этой причине слов, обозначающих грибы и их сорта, в тюркских языках всего несколько, в то время как в русских говорах эта номенклатурная группа, по данным В. А. Меркуловой¹⁶, насчитывает более 350 наименований.

Все это показывает зависимость процесса заимствования названий растений от множества различных факторов.

5. Одной из основных целей этимологического исследования является определение исходных параметров заимствованного слова: где, когда и откуда оно заимствовано.

Первой задачей на пути к абсолютной и относительной хронологии является документация слов памятниками письменности, установление времени первой фиксации заимствований в памятниках. «И хотя, — как отмечает В. И. Лбаев, — дата первого появления слова в памятнике не обязательно является датой его пропискования в язык, все же подобная документация дает некоторую ориентировку как в абсолютной, так и в относительной хронологии заимствований»¹⁷.

Однако наиболее распространенный метод определения времени заимствования слов исключительно на основании письменных источников оказывается неприемлемым во многих случаях. Это положение особенно важно подчеркнуть, когда речь идет о названиях растений, которые очень редко встречаются в летописях и других памятниках письменности. Совсем редко и совершенно случайно появлялись в письменности слова, обозначающие растения дикорастущие и не представляющие большой жизненной важности, как, например, в случае с *евшан* 'полынь', об употреблении которого в древнерусском языке стало нам известно благодаря лишь случайному отражению этого слова в Ипатьевской летописи под 1201 г. в легенде, связанной с половецким князем Отраком (Атраком).

Редкость фиксации в памятниках — явление, характерное не только для заимствованных, но и исконных названий растений. Так, по подсчетам В. А. Меркуловой, в «Материалах для словаря

древнерусского языка» И. И. Срезневского содержится лишь около 100 названий растений, и это главным образом названия деревьев, кустарников и культурных растений. А названий дикорастущих растений встречается всего около двадцати¹⁸. В этом отношении показательно, например, что слово *береза*, являющееся чуть ли не единственным названием дерева, имеющим общеевропейское происхождение, в древнерусской письменности отмечается только с XV в.¹⁹, а другое название *осока* вовсе не встречается в древнерусских памятниках²⁰. Поэтому Ф. П. Филиц писал: «Нет никакого сомнения в том, что многие названия растительного мира, появившиеся в письменности поздно или вовсе не нашедшие в ней отражения, существовали издревле. . .»²¹

Многие тюркизмы в русских названиях растений отмечаются в памятниках письменности лишь с XV—XVI вв. Однако ряд названий вошел в русский язык намного раньше этого времени. Комплексное использование различных способов, правильный учет языковых и внеязыковых факторов и данных географии растений, а также наблюдения над контекстами, в которых употребляются слова в более поздних памятниках, нередко заставляя нас передвинуть глубже хронологию заимствований. Например, учет различных критериев в хронологизации слова *аир* 'болотное растение *Asorus calamus*, сабельник, касатик', встречающегося в письменности в формах *иръ*, *игирь* лишь с XVI—XVII вв., позволяет нам не только отнести данное слово к тюркизмам татаро-монгольской эпохи, но и высказаться о совершенно иных путях и условиях его заимствования (обычно считается заимствованным через украинские говоры из турецкого *agir*, которое в свою очередь выводится из греч. *ἄκωρος* (Фасмер I, 64).

Аргументами в данном случае являются: 1) распространение слова в различных фонетических вариантах на всей восточнославянской территории при отсутствии его соответствий в остальных группах славянских языков: рус. диал. *ир*, *ирь* (САР¹ III, 313), укр. *аһур*, *ајіг*, *іг* и др.²², блр. *яер*, *явер*²³; 2) сведения о размножении аира татаро-монголами на завоеванных ими территориях (до территории Польши) для очищения водоемов, тогда как в Западной Европе аир стал известен только в XVI в.²⁴; 3) наличие близких соответствий во многих тюркских языках, начиная с др.-тюрк. *egir* 'аир' (татар. *ир*, *аир*, узб. *игир*, *ийир*, *игор*, казах. *ір* то же, каракалп. диал. *ийир* 'целебная трава' и др.); 4) свидетельство польского ученого-путешественника Матвея Меховского, побывавшего в начале XVI в. на берегах Волги и Урала и отметившего татарское название в форме *аир* («Близ Танаиса и Волги. . . встречается *аир* (*air*), то есть пахучий тростник. . .»)²⁵; 5) наконец, дополнительным указанием на татарский источник слова могут служить другие славянские названия этого растения с постоянно повторяющимся компонентом «татарский»: рус. *татарское зелье*, *татарский сабельник*, укр. *татарське зилля*, польск. *tatarskie ziele*, *tatarski korzeń*, *tatarak* и др.²⁶

Таким же образом для многих тюркизмов-названий растений, несмотря на позднюю фиксацию в памятниках, можно допустить более раннее время заимствования (*камыш*, *кизил*, *таволга*, *тал* и др.).

Кроме того, следует считать заимствованиями более раннего периода тюркизмы, впервые отмеченные не в письменных памятниках, а в первых ботанических и толковых словарях конца XVIII в. Например, в «Российском, с немецким и французским переводами, словаре» И. Нордстета (СПб., 1780—1782, I—II) отмечаются слова *бурундук*, *кави*, *курай* (*кура*), *чилига* и др. В «Ботаническом словаре и травнике» А. К. Мейера (М., 1781—1783, I—II) приводятся слова *камчуг*, *карагазин*, *тарамышек*, в «Новом ботаническом словаре» А. М. Максимовича-Амбодика (СПб., 1804) — слово *кунжут* (*кунжут*).

Примечания

- 1 Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929, 165.
- 2 Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб., 1878, 345.
- 3 Karłowicz J. Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia. Kraków, 1894—1905, 324.
- 4 См. также: Горяев Н. В. Этимологические объяснения наиболее трудных и загадочных слов в русском языке. Тифлис, 1905, 24.
- 5 Matzenauer A. Cizi slova ve slovanskych řečech. Vno, 1870, 138.
- 6 Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях (Русский перевод). М.; Л., 1936, 62 (впервые издан на латинском языке в 1517 г.).
- 7 Бломквист Е. Э. К вопросу о двуязычии и тюркских заимствованиях в говоре «уральцев» Амударьинского оазиса. — В кн.: Из культурного наследия народов России: Сб. Музея антропологии и этнографии, XXVIII. Л., 1972, 281.
- 8 Киргизско-русский словарь / Сост. К. К. Юдахин. М., 1965, 474.
- 9 Бломквист Е. Э. Указ. соч., 281.
- 10 Уйгурско-русский словарь / Сост. Э. П. Наджим. М., 1968, 660.
- 11 Попов А. И. Указ. соч., 29.
- 12 Милин О. А. Рец. на: Рахимов Т. Р. Китайские элементы в современном уйгурском языке. Словарь. М., 1970. — Советская тюркология, 1973, 2, 119.
- 13 Попов А. И. Указ. соч., 29.
- 14 См.: Филиц Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, 549; Греков Б. Д. Киевская Русь. Изд. 4-е. М.; Л., 1944, 35.
- 15 Более подробно о них см.: Жаримбетов А. Тюркизмы в русских названиях фруктовых деревьев и кустарников. — Советская тюркология, 1974, 4, 32—44.
- 16 Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, 150.
- 17 Абаев В. И. Рец. на: Андроникашвили М. Очерки по вранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1968, 1. — ВЛ 1969, 6, 128.
- 18 См.: Меркулова В. А. Указ. соч., 13.
- 19 См.: Филиц Ф. П. Указ. соч., 548.
- 20 См.: Филиц Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, 280.
- 21 Филиц Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, 548.
- 22 Makowiecki St. Słownik botaniczny jacińsko-maloruski. Kraków, 1936, 6.
- 23 Анненков Н. И. Указ. соч., 8.
- 24 Флора СССР. В 30-ти т. М.; Л., 1936, 3, 479.
- 25 Меховский Матвей. Указ. соч., 62.
- 26 Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Pr., 1954, 301.